

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ В. БРЮСОВА «ЮПИТЕР ПОВЕРЖЕННЫЙ»

Ключевые слова: *В. Брюсов, язычество, христианство, упадок, возрождение.*

Неоконченный роман В. Брюсова «Юпитер поверженный» (1912) тематически и сюжетно является продолжением «Алтаря Победы», и в то же самое время это – самостоятельное произведение. Определенную трудность при анализе романа вызывает то, что произведение не закончено. Из четырех намеченных частей В. Брюсов написал неполные три. Он пытался продолжить текст еще в 1914 и 1918 гг., но после написания повести «Рея Сильвия» больше к теме античности не обращался. Сохранились двадцать девять страниц машинописи, несколько рукописных вариантов и два наброска планов романа. Текст произведения впервые был опубликован в 1934 году в сборнике «Валерий Брюсов. Неизданная проза», отредактированном И. Брюсовой.

М. Гаспаров отмечает, что в творчестве В. Брюсова есть два периода обращения к античной теме: 1890-е и 1910-е гг. Но многие произведения, посвященные этой теме, остались незаконченными и неопубликованными. К тому же периоды отличаются как тематически, так и стилистически [Гаспаров 1975:543-547].

Если в 1890-е годы интерес В. Брюсова вызывают, в основном, выдающиеся исторические личности, то в XX веке писателя уже интересует общество, законы и процессы смены культурных и исторических эпох, что отражается в фабуле произведений. Периоды обращения к теме античности В. Брюсовым отделены переломными моментами в истории российского государства: русско-японская война и революция 1905 года. В. Брюсов по-разному интерпретировал идею исторического прогресса. По его мнению, христианская цивилизация сменила язычество просто потому, что в

изменившихся исторических условиях потребовался иной тип мышления. И герои дилогии В. Брюсова стоят перед проблемой выбора между прошлой великой культурой и той новой силой свершений и познаний, которые несут с собой христианская вера и культура. Очень многое в романе, включая его заглавие, указывают на то, что старый мир будет повержен. Чтобы жить, нужно присоединиться к новой силе, пришедшей на смену язычеству.

В самом начале романа мы уже знаем, что окончательным выбором Юния станет христианство, то есть новый мир. Как справедливо отмечает Н. Хачатрян, выбор Юния – выбор самого В. Брюсова: «Если переход Гесперии в лагерь христиан является по сути расчетливой изменой, то принятие христианства главным героем романов Юнием оказывается результатом долгих мучительных сомнений, описание которых дает основание предполагать определенную автобиографичность образа Юния и лично пережитую автором необходимость выбора» [Хачатрян 2002:93-94]. Тем не менее, по мнению В. Брюсова, христианская цивилизация тоже когда-нибудь подойдет к периоду своего упадка и закончится. Возможно, этим также объясняется интерес писателя к теме зарождения христианства.

Действие дилогии «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный» относится к IV веку н.э., точнее, действие первого романа происходит в 382-383 годах, а второго – через десять лет.

Временная и пространственная конструкция второго романа отличается определенной сложностью. Она построена на смещении и совмещении временных пластов, сцепленных человеческой памятью. А структурные оппозиции: настоящее – прошлое, настоящее – будущее, сейчас – воспоминание, мгновение – вечность и другие – при смещении читательского восприятия предстают в качестве явления вневременного, вечного.

С первых страниц романа В. Брюсов создает эффект отстранения: повествование ведется от имени старца Варфоломея, насельника монастыря на Лигере, которого раньше звали Децимом Юнием Норбаном и который был рассказчиком событий в романе «Алтарь Победы». Если в романе «Алтарь Победы» повествование ведется от лица Юния, совсем недавно

пережившего описанные перипетии, то в «Юпитере поверженном» временные рамки шире, а точка зрения пожилого человека отличается от точки зрения зрелого мужчины или юноши.

Здесь мы сталкиваемся с тремя возрастными портретами рассказчика. Зрелый Юний пытается преодолеть свою страсть к Гесперии, стать полезным римскому обществу хотя бы тем, чтобы в будущем открыть обществу ее низость. Но старец Варфоломей ясно видит, что он тогда лгал самому себе. А его странная любовь-ненависть к Гесперии умерла много позже, когда он смог обратиться в христианство, однако эти события в произведении не описываются. В. Брюсов в речи старика мастерски передает и сожаление о юности и чистоте, и возмущенно-пренебрежительное отношение к собственной глупости и безответственности, проявленные через десять лет, а также горечь от утраты радости жизни.

Три временных плана в романе связаны с двумя основными топосами: Лактора, а точнее вилла Васконилла, которая сочетается с понятием *дом*, и Рим, связанный с понятиями *город* и *государство*. В самом Риме пространство подразделяется на дворцы (императорский и аристократические), затибрский район и улицы, которые живут своей жизнью. И если дворцы приходят в упадок, улицы меняются почти незначительно, храмы модифицируются, то Рим остается Римом, «Городом для всех Римлян, потому что кто хоть однажды увидел его, остается непобедимо зачарованным, и его уже нельзя забыть» [Брюсов 1975:467], как страстно вспоминает Варфоломей.

Пространство Васкониллы дышит чистотой и умиротворенностью. Варфоломей отмечает, какое благотворное влияние на его психику оказали простые и требующие физического напряжения сельскохозяйственные работы. В. Брюсов не дает подробного описания поместья героя, но упоминания о прибранных, слегка благоухающих полевыми травами комнатах, ухоженных хозяйственных постройках, разбросаны в тексте первых нескольких глав.

Даже погода практически всегда благосклонна к герою, пока он не делает попыток вернуться к Гесперии. Горе приходит в его дом, и хрупкий рай разрушается, когда тот начинает

настойчиво интересоваться судьбой изменницы: сначала он понес денежные убытки, потом ухудшилась политическая ситуация в стране, затем практически в течение двух недель умирают его дети. Он сбегает из дома в ночь смерти своего сына. Нам представляется, что смерть детей имеет символическое значение в романе. Смерть девочки, как потенциальной женщины-матери, символизирует отдаленный конец римского народа, его поражение от варваров, а смерть мальчика – смерть римского духа и идеи Великой Римской Империи.

Интересно, что тема упадка передается через описание именно дворцов и домов аристократов, в то время как изображение жилища бедняков оставляет впечатление скудости, но не упадка. Например, в описании сада Гесперии, увиденном после долгого перерыва: «Переходя обширный сад, видя знакомые лужайки, уже не так тщательно убранные, купы деревьев, подстриженные без прежнего искусства, и водоем, в котором больше не плавали лебеди <...>» [Брюсов 1975:454], явно читается недостаток финансов, причем даже в доме консула Флавиана «Потемневшие стены казались суровыми свидетелями жизни предков <...>» [там же:462]. А посещение дома дяди повергает Юния в глубокое уныние: «Самый беглый обзор дома показал мне, что обветшание его увеличилось безмерно и что содержится он крайне небрежно <...>» [там же:472]. После этого герой дает себе слово больше не приходиться в дом, где его дядя постепенно теряет человеческое достоинство, подталкиваемый двумя женщинами-лицемерками: женой и дочерью.

В описании дворца императора Евгения также нарочито подчеркивается тема запустения и медленного разрушения: «кое-где украшения потолка уже осыпались и не были восстановлены, кое-где комнаты стояли пустые, так как их убранство было вывезено, виднелись пустые клетки, где когда-то пели птицы, и пустые ниши, где прежде стояли статуи» [там же:478]. После посещения дворца герой чувствует себя опустошенным и обманутым. Император кажется ему ничтожеством, и чувство это усугубляется после пира у Гесперии.

В противоположность этой картине угасания и забвения, при описании жилища Сильвии в затибрском районе, кроме подчеркнутой бедности, В. Брюсов не указывает никаких

признаков небрежения своим домом: в нем нет грязи и осыпавшихся углов, паутины в углах; простые постели аккуратно застелены, грубая мебель стоит на своих местах. «То был один из тех многоэтажных домов, в которых селятся бедняки. <...> Я переступил порог и оказался в скудном жилье, которое было все видно, так как состояло всего из двух комнат, и занавеска, отделявшая вторую, не была закрыта. <...> Распятие <висело> на стене. На всем лежала печать скудости: стояли простые скамьи, грубо сколоченные армации и в глубине виднелись столь же простые две постели» [Брюсов 1975:495]. И хотя комнаты освещаются естественным светом с террасы, солнечным или лунным, в этом жилище почти всегда достаточно света, чтобы увидеть даже малейшие изменения выражения лица героини. На всем протяжении довольно долгой, эмоционально сложной и насыщенной сцены Юний не испытывает недостатка в свете, который подчас чувствуется в сценах его общения с Гесперией. В. Брюсов тем самым подчеркивает открытость, обнаженность чувств Сильвии, в отличие от высокородной соперницы.

Вскоре после приезда Юния в Рим, его назначают триумвиром, в чьи обязанности входит «восстановление» языческих храмов. Герою, фактически, предлагается взять на себя ответственность за узаконенный грабеж христианской церкви, проведенный под предлогом сбора средств на проведение войны.

Но немалые средства от экспроприации ценностей христианских храмов пойдут не на вооружение, а на роскошные Аполлоновы игры: «Флавиан, который, за отсутствием императора, распоряжался в городе, как государь, решил не щадить расходов, тем более что средства наши постоянно пополнялись золотой и серебряной утварью и другими драгоценностями, забираемыми нами в христианских храмах» [там же:529-530]. Фактически, в романе «Юпитер поверженный» В. Брюсов предвосхитил идею ограбления христианских храмов советской властью в 20-е годы.

С другой стороны, все описания пиров и увеселений, театральных представлений и народных гуляний оставляют впечатление пира во время чумы, потому что В. Брюсов неоднократно упоминает опасности, грозящие Риму: война с

Феодосием, периодические нашествия варваров, отказ префекта Африки Гильдона в военной помощи.

Важную роль в произведении играет тема противостояния личности и толпы. Но когда мы сравниваем романы «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный», то замечаем, что толпа в первом, завершённом романе понимается как народ Рима, раздираемый идеологическими противоречиями, невозможностью выбрать между былым величием и новой мощью. В романе «Юпитер поверженный» толпа или фанатично христианская – тогда это сплоченная группа, которая выходит на борьбу за свою веру (люди, ее составляющие, в большинстве своем убеждены в правильности постулатов, которые выходят защищать), или это неопределившийся сброд, который вышел повеселиться и изобразить «ликование народа», легко меняющего веру, в зависимости от того, кто больше заплатит: «мы сейчас хорошо платим, это первое и самое важное. Потом мы – в силе, и это второе и тоже очень важно. Сейчас народ не только становится поклонником Олимпийцев, но готов, если надо, стать жрецом и Дианы и Кибелы, и египетского Гора» [Брюсов 1975:534].

Отметим, что роман фактически обрывается вскоре после описания избиения христиан, вышедших на защиту своих храмов от разграбления. Эти сцены в романе «Юпитер поверженный» очень напоминают газетные хроники начала XX века с описанием Кровавого воскресенья 1905 года. Тем не менее, отец Николай говорит Юнию: «Ты пришел сюда с вооруженными людьми. Значит, ты веришь в силу. Так раскрой глаза – и ты увидишь, что сила на нашей стороне. <...> В мир пришли другие люди и принесли другого бога. В ваших руках мечи и вас боятся. Но ступай по улицам, ступай в дома бедняков, ступай в провинцию, обходи всю империю; много ли осталось поклонников древних богов? А толпы и толпы идут в храм Христа <...>» [Брюсов 1975:524]. Вспомним, что в 1917 революция все-таки победила, и большевики удерживали власть почти восемьдесят лет.

Таким образом, можно заключить, что тема упадка языческого Рима в романе «Юпитер поверженный» транслируется В. Брюсовым наряду с другими художественными

средствами с помощью хронотопа. Во временной вертикали мы видим окончательную победу новой христианской философии в сознании главного героя, а в описании пространства значимые для язычества топосы представлены пришедшими в упадок, а христианские храмы – ухоженными и способными к возрождению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Юпитер поверженный // Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т.V. М., 1975.
2. Гаспаров М.Л. Брюсов и античность // Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т.V. М., 1975.
3. Хачатрян Н.М. Кризис античности в романах Брюсова «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный» // Брюсовские чтения 2002 года. Ереван, 2004.

KARINE GULANYAN – THE CHRONOTOPE PECULIARITIES IN V. BRUSOV'S NOVEL «JUPITER FALLEN»

V. Brusov shows the theme of pagan Rome decline in the novel «Jupiter Fallen» with the help of the chronotope. Time and space, which are important for paganism, are presented as decayed, but Christian churches are capable of being restored after a short disgrace.